

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

✻ Книга 16 ✻

Последняя дверь Заворотино

✻ Заворотино: ✻
деревня между мирами

Виктор Алеветдинов

Последняя дверь Заворотино

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Последняя дверь Заворотино / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

На Чёртовом Пятачке появляется обычная деревянная дверь — без стены, без косяка, с тёплой ручкой и надписью: «Вход туда, где решают, какие истории имеют право продолжаться». Для Заворотино это плохой знак: дверь показывает разные версии будущего, а вслед за ней в деревню съезжаются домовые, лешие, сказки, космические гости и ведомственные проверяющие. Каждый хочет спасти Заворотино по-своему: закрыть, оформить, превратить в курорт, транспортный узел или полезный межмировой объект. Но чем громче спорят о судьбе деревни, тем сильнее она начинает исчезать — лавочки, колодцы, крыльца становятся прозрачными. Теперь Агафье Ладиной, Архипу, Алёне, Мирону и всей деревне предстоит доказать: Заворотино не объект и не проект. Это дом. А дом не отдадут тем, кто пришёл без стука.

Содержание

Глава 1. Дверь без стены	5
Глава 2. Лом не подходит	9
Глава 3. Белая дорога	14
Глава 4. Печати на огороде	19
Глава 5. Гости без очереди	25
Глава 6. Картошка государственного значения	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Последняя дверь Заворотино

Глава 1. Дверь без стены

Утро в Заворотино началось не с петуха, а с куриного переполоха. Куры у Агафьи Ладной обычно шумели по делу: зерна мало, яйцо снесли, Марфа прошла близко к гнезду или Громыхало решил провести смотр. Сегодня они метались по двору, задевали корыто и смотрели в сторону Чёртового Пятачка так, будто оттуда шёл налоговый инспектор с мешком для перьев.

Агафья проснулась раньше будильника. На подоконнике в сенях сидела Марфа-Полночица и глядела за околицу. Ни миска, ни воробьи, ни мышьяная щель у печки её не интересовали. Кошка смотрела туда, где за огородами чернела голая земля Пятачка.

— Ну что там опять? — спросила Агафья, накидывая кофту. — Только не делай вид, что природой любишься. У нас природа без твоего надзора сорок лет справлялась.

Марфа повернула голову и посмотрела на хозяйку с таким терпением, что Агафья сразу пошла за платком. Если кошка уже считала её непонятливой, значит, дело и правда дурное. На кухне всё выглядело обычным: чайник стоял на плите, чашка ждала рядом, хлеб лежал под полотенцем. После ярмарок, санаториев для нечисти, детских порталов и Архиповой мастерской невозможного обычное утро в Заворотино давно стало вещью подозрительной.

Со скалкой Агафья идти не стала. Взяла палку для подпорки фасоли, чтобы выглядеть хозяйственно, а не боево. Во дворе Громыхало стоял на перевёрнутом ведре, грудь колесом, гребень набок. Перед ним топтались куры, но к кормушке не подходили.

— Смирно! — рявкнул петух. — Посторонний предмет на направлении Пятачка. Личный состав в растерянности.

— Личный состав сейчас останется без завтрака, — сказала Агафья. — Что за предмет?

Громыхало вытянул шею к дороге. Голос он понизил, но у него и шёпот годился для объявления на рынке.

— Дверь.

Агафья поставила ведро на землю. Она была готова ко многому: к чиновнику в кустах, к домовому в бане, к лешему с жалобой на грибников, даже к Бабе-Яге, если та снова решила открыть дело без согласования. Но дверь в утреннем списке неприятностей стояла где-то между градом в июле и Архипом с фразой «я тут одну штуку проверю».

Марфа прыгнула с подоконника и направилась к калитке. У Прасковьи Шептуновой за забором уже хлопнула калитка, хотя нормальные люди в такую рань чай допивали, а не бежали к чужой беде. Значит, новость уже просочилась. В Заворотино новости умели вставать раньше хозяев.

Чёртов Пятачок лежал за околицей, лысый, круглый и упрямый. Сколько его ни пытались засеять, там не росло ничего, кроме слухов. Когда-то на этом месте будто бы садилась тарелка, потом открывался портал, потом проходили такие гости, что Агафья до сих пор не понимала, как у неё после всего этого остались целы хотя бы две кастрюли.

Теперь посреди Пятачка стояла дверь. Она была деревянная, простая, чуть потемневшая от времени. Такие двери ставили в старых сенях: с ручкой, с трещинкой у нижней филёнки, с потёртым местом там, где люди годами толкали её плечом. Только стены рядом не было. Ни косяка, ни забора, ни сарая. Просто дверь торчала в поле, словно хозяин дома ушёл, а вход забыл забрать.

Агафья остановилась за несколько шагов. Палка в руке сразу стала выглядеть глупо. Дверь не светила, не дымилась и не пыталась втянуть в себя деревню. Она стояла спокойно,

почти по-домашнему, и от этого было хуже. С сияющим порталом всё понятно: кричи, зови Мирона, гони кур, закрывай проход чем попало. А обычная дверь заставляла вспомнить, что через неё полагается входить.

На двери висела табличка из светлого дерева. Буквы не были написаны краской. Они проступали из самой доски. Агафья наклонилась и прочитала:

— Вход туда, где решают, какие истории имеют право продолжаться.

Она выпрямилась, помолчала и постучала пальцем по табличке.

— Нашли место. У нас тут по утрам куры решают, кто имеет право к кормушке подойти, и то без такого важного вида.

— Формулировка тревожная, — сказал Громыхало. — Требуется караул и отдельная пайка для командного состава.

— Тебе бы только пайку. Молчи пока. Дверь слушает.

Сказала и сама удивилась. С чего она взяла, что дверь слушает? У двери не было ни глаз, ни ушей, ни даже приличной стены. Но ощущение было такое, будто эта доска пришла не падать, не открываться и не пугать, а ждать, пока Агафья сообразит что-то простое и неприятное.

За спиной зашуршала трава. Прасковья прибежала в криво накинутом платке и домашних тапках. За ней, придерживая бок, ковылял Филимон Балагуров. Филимон выглядел так, будто его разбудили не тревогой, а возможностью говорить первым.

— Агаша! Ты жива?

— Пока ты не начала рассказывать, что уже меня похоронила, вполне, — ответила Агафья. — Чего прибежала?

— Так дверь же! Сначала Марфа на окно, потом куры орут, потом у меня чай в кружке сам в сторону Пятачка наклонился. Я подумала: либо опять портал, либо Филимон жениться надумал.

— Не надо на меня такие стихийные бедствия вешать, — возмутился Филимон. — Если женюсь, предупрежу за месяц, чтобы народ привык к несчастью.

Он обошёл дверь кругом, почесал подбородок и прищурился на табличку.

— Хороший объект. Можно поставить кассу. С утра местным бесплатно, после обеда приезжим за деньги. Детям скидка, домовым вход через щель.

— Ты сейчас так договоришься, что дверь тебя первого и заберёт, — сказала Агафья.

— А я не пойду. У меня сегодня планы. Хотел Прасковью напугать известием, что её капуста ночью пела басом.

— Моя капуста приличная, — отрезала Прасковья. — Она без повода не поёт.

Из-за поворота донёсся знакомый железный бряк. Агафья даже не обернулась. Если в Заворотино появлялась непонятная вещь, Архип Чудин всегда приходил с инструментами, словно мир заранее выдал ему приглашение на ремонт.

Архип показался на дороге с ящиком в руке. Рубаха у него была застёгнута криво, зато усы выглядели уверенно. За ним катился Бурчик. Мини-трактор фыркал мотором и подпрыгивал на кочках.

— Агафья! Не трогай, пока я не посмотрю!

— Я уже тронула глазами. Ничего не отвалилось.

— Глазами — это полдела. У всякой двери есть устройство. Петли, запор, зазор. Сейчас определим, с какой стороны у неё здравый смысл.

— Лучше определите, с какой стороны у вас рубаха, — подсказала Прасковья. — А то пуговицы смотрят в разные миры.

Архип глянул на себя, махнул рукой и поставил ящик на землю. Бурчик подъехал ближе, остановился перед дверью и посигналил. Дверь не дрогнула. Трактор посигналил ещё раз, с нажимом, потом попытался объехать дверь справа. Колёса прошли по траве, мотор заурчал, но

на середине дуги Бурчик вдруг заглох с таким видом, будто его лично не пустили в приличное общество.

— Вот, — сказал Громыхало. — Техника подтверждает подозрение.

— Техника обиделась, — Архип похлопал Бурчика по боку. — Не дуйся. Это не тебе дверь, это всем нам.

— Разойдитесь, — сказала Агафья. — Нечего толпиться.

Агафья подошла ближе. На дереве виднелись царапины, похожие на следы обычной жизни: эту дверь годами открывали плечом, закрывали ногой, держали от сквозняка, ругали за скрип. На ручке было потёртое место. У Агафьи в сених ручка выглядела почти так же.

Она подняла палку и постучала по двери. Три раза. По-хозяйски: чтобы не ломать чужого и не кланяться перед ним. Звук вышел глухой, деревянный. Обычный.

— Эй, — сказала Агафья. — Если поставили, отвечайте. У нас тут не проходной двор. Земля общая, Пятачок проблемный, но беспорядок всё равно чей-нибудь.

Дверь промолчала.

Громыхало взлетел на ближайший камень и рявкнул:

— Караул! Посторонний предмет не отвечает на запрос командования!

Две курицы, которые всё-таки сбежали со двора, в ужасе метнулись к дороге. Одна врезалась Филимону в ногу, другая обежала дверь и, не найдя в этом никакой пользы, громко возмутилась. Дверь не шелохнулась. Куриный переполох, который раньше мог поднять половину деревни, для неё ничего не значил.

Агафья почувствовала раздражение. Не страх, а именно раздражение, как от гостя, который пришёл, сел за стол и молчит, пока хозяйка сама должна догадаться, кормить его или гнать.

— Слушай сюда, — сказала она двери. — Если ты из ведомства, передай своим: приём после завтрака. Если из сказок, то Баба-Яга знает дорогу и без тебя. Если из космоса, парковка дальше, у клуба. А если просто стоишь и важничаешь, так у нас тут таких хватает.

Заворотино просыпалось и тянулось туда, где намечалась беда с возможностью обсудить её у забора. Через полчаса здесь соберётся вся деревня. Потом приедет Мирон, начнутся протоколы. Потом явится Алёна, будет защищать здравый смысл. Потом вспомнят про Бабу-Ягу, и день окончательно пропал.

Надо было решить хоть что-нибудь сейчас, пока дверь ещё была просто дверью. Агафья положила ладонь на ручку. Дерево оказалось тёплым. Не нагретым солнцем, потому что солнце только поднималось и до Пятачка ещё не дошло. Тёплым изнутри, как бывает тёплой дверь в жилой дом, где за ней топится печь, ходят по кухне и чайник уже начинает шуметь.

Она тут же убрала руку.

Агафья сама не знала, почему отёрнула ладонь. Потому что ручка была тёплой. Потому что дверь не отвечала на крик, шулки и инструменты, но почему-то ждала её руки. Потому что за последние годы всё невозможное часто приносили к ней на крыльцо с видом: «Разберись, хозяйка».

Солнце поднялось над крышами. Луч коснулся двери, и она не засияла. Просто стала ещё обычнее. Агафья вдруг представила, как вечером к этой двери прислонят веник, поставят рядом старые сапоги, повесят на ручку сумку с картошкой. Чужая невозможность быстро примеряла домашний вид.

— Всё, — сказала она. — Расходимся. Завтракать, работать, думать. Нечего стоять столбом. Архип, инструменты заberi. Бурчика заведи, пока он от обиды не пустил корни. Прасковья, новости разносить не надо.

Народ начал расходиться нехотя. Прасковья пошла рядом с Филимоном и уже шептала ему так громко, что слышали воробьи на проводах. Громыхало погнал кур обратно, обещая им дисциплинарные меры и дополнительное зерно за моральную устойчивость.

Архип остался. Он стоял возле ящика и не смотрел на дверь. Обычно он глядел на любую непонятную вещь с таким аппетитом, будто собирался разобрать её до винтика и собрать обратно с песней.

— Ты чего? — спросила Агафья.

— Да так.

— У тебя «да так» обычно с гайками в кармане и дымом из сарая.

Он усмехнулся, но криво.

— Не нравится она мне.

— Мне тоже. Вот и договорились.

— Она не для всех.

Он поднял ящик, задержался на миг, но передумал спорить. Бурчик завёлся не сразу, обиженно кашлянул и покатил к деревне, держась подальше от двери. Архип пошёл следом, но у дороги обернулся.

— Ты одна к ней не подходи.

— Командовать у себя в мастерской будешь.

— Я не командую. Я прошу.

С просьбами Агафье всегда было труднее, чем с командами. Команду можно отбить словом, скалкой, дверью, если под рукой. Просьбу приходилось слышать.

— Иди, — сказала она мягче, чем собиралась. — Я тоже не маленькая.

— Вот именно, — буркнул Архип. — Маленькие хоть иногда слушаются.

Он ушёл. Агафья дождалась, пока его шаги смешаются с тархтением Бурчика и деревенскими голосами. На Пятачке стало пусто. Только Марфа осталась рядом и села у самой двери, будто сторожила не проход, а хозяйкину упрямую голову.

Агафья ещё раз прочитала табличку. Для обычного утра слова звучали чересчур важно. Для Заворотино это было громко. Здесь жизнь решали проще: воды принести, забор поправить, супа налить, а дурного гостя выставить.

Она подошла к двери ближе, но ручку не тронула. Просто стояла и слушала. Сначала было слышно деревню: далёкий голос Прасковьи, петушиное ворчание Громыхала, мотор Бурчика, который спорил с кочками. Потом звуки стали отступать, будто обычное утро прикрыли ладонью.

Внутри двери что-то тихо скрипнуло.

Агафья замерла. Скрип повторился. Не дверной, не полевой, не от ветра. Так скрипела третья половица у неё в сенях, если наступить на неё правой ногой и нести полное ведро, чтобы вода плеснула на край.

Она не сразу поняла, почему похолодели ладони. За дверью, посреди пустого поля, скрипнули её домашние половицы.

Глава 2. Лом не подходит

Архип Чудин дошёл до своего двора быстро, хотя делал вид, будто просто идёт по делам. После двери без стены обычная походка давалась плохо. Ноги сами торопились, а голова всё возвращалась к Агафье: как она стояла возле той двери, как отёрнула руку от ручки и как сказала всем расходиться, будто перед ней не чудо, а чужая коза в огороде.

Бурчик катился рядом, ворчал мотором и время от времени подпрыгивал на кочках. Обычно после всякой заворотинской странности трактор чувствовал себя техникой особого назначения. Сегодня он держался ближе к хозяину. Даже железо понимало: эта дверь не похожа на прежние поломки.

Во дворе Архип поставил ящик на верстак и открыл крышку. Инструменты лежали спокойно: отвёртка, пассатижи, молоток, проволока, смазка. У стены стоял лом. Лом был вещью прямой: если мир не объясняет, где у него ручка, можно поискать снизу.

Архип взял лом, подержал и поставил обратно.

— Рано, — сказал он Бурчику. — Сначала по-хорошему.

Бурчик фыркнул выхлопом.

— По-хорошему не значит без уважения, — буркнул Архип. — Домашнее сразу ломом не берут.

Он сложил в сумку инструменты, добавил самодельный шуп и банку солёных огурцов. Огурцы на случай переговоров. После космической ярмарки Архип усвоил: некоторые гости из других миров лучше понимают землян, когда хрустят.

У калитки его уже ждала Прасковья Шептунова. В руках она держала пустую корзину, а лицо у неё было такое, будто новости уже просились наружу.

— Архип, ты к двери?

— В магазин.

— С ломом и Бурчиком?

— Хлеб нынче такой, что без поддержки техники нельзя.

Прасковья прищурилась. Она могла отличить поход за хлебом от похода спасти мир по положению Архиповых усов.

— Ты Агафью одну к ней не пускай, — сказала она тише. — Она сегодня смотрела на эту дверь не как на чужую беду. Как будто письмо получила, а вскрывать не хочет.

Архип поправил ремень сумки.

— Вот и надо понять, что за письмо.

— Только без геройства, Чудин. У тебя геройство обычно начинается с фразы «я сейчас аккуратно», а заканчивается тем, что Филимон ищет, куда делся забор.

— Филимон пусть за своим забором смотрит. Мой забор сам знает, когда падать.

Он пошёл дальше. Прасковья не отставала шагов десять, потом свернула к дороге сообщать, что она ничего никому не говорит.

На Пятачке уже было людно. Громыхало стоял на камне и командовал курами, которые опять пробрались следом за Агафьей. Филимон рассказывал мальчишкам, что в щели под дверью видно, кому достанется последняя банка варенья. Мальчишки не верили, но всё равно приседали.

Агафья стояла сбоку. Руки в рукавах кофты, платок завязан крепко. Она глядела не на толпу, а на дверь. Архипу это сразу не понравилось. Агафья обычно смотрела на беду так, будто уже знала, за что её ругать. Сейчас она ждала, что беда заговорит первой.

Возле двери хлопотал Мирон Перьев. Он приехал с Алёной и привёз папку, карандаш и моток серебристой ведомственной ленты. Вид у Мирона был такой, каким он обычно прикрывал тревогу.

— Прошу сохранять расстояние, — сказал он. — До выяснения природы явления нужно обозначить временную границу безопасности.

— Мирон, — сказала Агафья, — у нас эта граница на моём поле стоит. Если она безопасная, пусть сама сорняки вокруг себя выполет.

Алёна зевнула в кулак.

— Бабушка, он не поле ограничивает. Он делает вид, что контролирует то, что само его не спрашивало.

— Спасибо за поддержку, — сказал Мирон.

— Это не поддержка. Это перевод.

Мирон стал разматывать ленту вокруг двери. Лента тянулась спокойно, пока он не дошёл до ручки. Там она вдруг выскользнула из пальцев, поднялась в воздух и завязалась красивым бантом. На банте проступило: «Временно согласовано».

Филимон первым захлопал.

— Вот! Открытие состоялось. Теперь осталось перерезать ленточку и брать с приезжих за просмотр.

Мирон покраснел ушами. Он потянул край ленты. Бант не поддался, только подтянулся аккуратнее.

— Лента не предназначена для такого применения.

— Дверь тоже не предназначена для стояния в поле, — заметила Агафья. — А стоит.

Архип поставил сумку на землю.

— Дай-ка я.

— Архип Степанович, прошу не нарушать границу.

— Мирон, у тебя граница уже бантиком на ручке. Нарушать там нечего, её поздравлять надо.

Он достал нож и подцепил край ленты. Лезвие скользнуло, словно по мокрой траве. Бант дрогнул и остался на месте. Вещь не сопротивлялась силой, она просто не принимала его способ.

— Ладно, — сказал он. — Значит, начнём с двери.

Дверь выглядела простой. Тёмное дерево, потёртая ручка, нижняя щель, трещинка у филёнки. Такие двери в деревне жили дольше хозяев: их подпирали веником, хлопали ими в сердцах, через них заносили мешки картошки. Только у этой не было стены, косяка и петель.

Архип постучал костяшками. Звук вышел глухой, плотный.

— Доска крепкая.

— Спасибо, — сказала Агафья. — А мы думали, из манной каши.

Филимон радостно подхватил:

— Манная дверь была бы удобнее. Открыл, поел, закрыл остатками.

— Не подсказывай миру глупости, — предупредила Алёна. — Он у нас восприимчивый.

Архип приложил ухо к двери. Ничего. Ни ветра, ни шагов. Он знал, что Агафья утром слышала что-то другое. Она не сказала, но Архип понял: за этой дверью был звук не чужой.

Он достал щуп и осторожно провёл вдоль нижней щели. Щуп вошёл на палец, потом упёрся в мягкое тепло. Не в дерево и не в землю. Будто за дверью был воздух из натопленной кухни.

— Ну? — спросила Алёна.

— Зазор есть. Дальше не пускает.

— То есть дверь вежливая? — спросил Филимон.

— Вежливая дверь сначала спросила бы, можно ли ей на Пятачке стоять, — сказала Агафья.

Архип попробовал ручку. Она не повернулась. Ручка была тёплая. Ручка грелась изнутри. Он быстро убрал пальцы, потом заставил себя взяться снова. Нельзя же пугаться ручки при людях.

— Грется, — сказал он.

— Знаю.

Он посмотрел на неё. Агафья отвела глаза. Значит, знала давно. И снова не всё сказала.

Мирон тем временем открыл папку. Перо сначала писало без сбоя, потом остановилось.

На листе крупно вывелось: «Сначала постучите».

Мирон застыл.

— Это не моя формулировка.

— Дверь просит приличия, — сказал Филимон. — Редкий случай в Заворотино.

Мирон подошёл и постучал. Один раз, очень официально. Дверь промолчала. Он постучал ещё дважды. На табличке под основной надписью проступило короткое: «Слышали».

Громыхало вытянул шею.

— Объект дерзит уполномоченным лицам!

— Не ори, — сказала Агафья. — Она и так слышит.

Дверь попробовали по-всякому. Прасковья спросила, чья она будет и не надо ли передать кому записку. Филимон предложил объявить, что за дверью бесплатные пирожки, но Агафья пригрозила ему настоящей работой. Громыхало клюнул нижнюю доску, отскочил и сообщил, что древесина ведёт себя подозрительно. Марфа сидела у порога и не шипела, и от этого всем было не по себе.

Потом у Пятачка хлопнул воздух. Из него боком вывернулась избушка Бабы-Яги и недовольно переступила курьими ногами. Баба-Яга вышла с сумкой и лицом человека, которого оторвали от выгодного дела.

— Что за собрание без меня? — спросила она. — Если тут снова открывают проход, я должна знать заранее. У меня клиенты, график и один жених в рассрочке.

— Мы не открываем, — сказала Агафья. — Оно само стоит.

Баба-Яга обошла дверь кругом.

— С виду обычная. А гонору, как у дворца перед ремонтом.

— Можешь открыть? — спросил Архип.

— Я тебе не ключница. Но за пирог попробую.

— Пирог будет, если дверь не разворотишь, — сказала Агафья.

Баба-Яга стукнула клюкой о землю и произнесла слово, после которого у ближайших кур пропало желание спорить с Громыхалом. Воздух дрогнул, бант на ручке затрепетал. Дверь не открылась. На табличке появилась строчка: «Не по записи».

Баба-Яга медленно повернулась к Агафье.

— Твоя?

— Моя бы уже получила тряпкой по косяку.

— Эта, похоже, косяк заранее убрала.

Следующим пришёл Кощей. Он возник у края Пятачка без шума, словно давно стоял рядом и ждал удачной паузы. В руках у него был старый ключ с тёмной бородкой.

— Мне сообщили о двери.

Все посмотрели на Прасковью. Она прижала корзину к животу.

— Я только уточнила, что наблюдается деревянное событие. Без лишних подробностей.

Кощей подошёл. На двери на миг появилась замочная скважина. Архип даже подался вперёд от интереса. Кощей вставил ключ, повернул. Доска чуть щёлкнула, но не двинулась. Ключ выскочил обратно в ладонь, а скважина исчезла.

— Невежливо, — сказал Кощей.

— С таким лицом тебя и баня не сразу пустит, — отозвалась Баба-Яга.

Агафья кашлянула. Ссора Бабы-Яги с Кощеем возле такой двери могла закончиться отдельной сказкой, а день и так уже был испорчен.

Над Пятачком загудело. Из-за леска снизился небольшой космический аппарат, похожий на блестящую остановку. Он сел за берёзой, и из люка вышел водитель межпланетного автобуса с мигающим прибором.

— Получен сигнал о неопределённом входе, — сказал он. — Требуется проверка транспортной пригодности.

— У нас тут не вокзал, — сказала Агафья.

— Я только просканирую.

— Только без заглядывания в чужие кухни.

Водитель направил прибор на дверь. Экран мигнул и показал чайник. Потом крыльцо Агафьиного дома. Потом её кухню: стол, лавка, полотенце у печи.

Агафья быстро закрыла экран ладонью.

— Всё. Ваш аппарат невоспитанный.

— Он показывает точку назначения, — растерянно сказал водитель. — Но кухня не может быть точкой назначения.

— Это вы нашим гостям скажите, — буркнул Архип.

Он снова посмотрел на дверь. Все способы один за другим отпадали. Магия Бабы-Яги не подошла. Ключ Кощея не подошёл. Космический прибор показал Агафьин дом. Ведомственная лента сама стала бантом. Дверь словно терпеливо объясняла: сила, должность и техника тут не главные.

Архипу это не нравилось. Он привык быть полезным. Если мир трещал, он брал проволоку. Если предмет оживал, он искал, где у него характер. Если Агафья молчала, он приносил воду, чинил калитку или делал вид, что всё это случайно. А теперь перед ним стояла вещь, которую нельзя было тронуть без риска сделать хуже.

Он достал лом.

Алёна тихо сказала:

— Архип Степанович, может, не надо?

— Я только проверю зазор.

Агафья посмотрела на него.

— Чудин.

Архип остановился. В этом слове было не привычное «не лезь», а просьба. Она не хотела показывать это при всех, но он услышал.

— Аккуратно, — сказал он уже неуверенно.

Филимон шепнул Прасковье:

— Когда Чудин говорит «аккуратно», у меня дома табуретки сами ложатся набок.

Прасковья толкнула его корзиной. Бурчик коротко посигналил.

Архип вставил конец лома в нижнюю щель. Дверь не дрогнула. Зато от ручки по дереву прошла тёплая волна. Это было предупреждение. Архип почувствовал его ладонями, хотя держал железо.

Он вынул лом и опустил его к ноге.

— Лом не подходит, — сказал он.

Баба-Яга подняла брови.

— Исторический миг. Чудин признал, что лом не подходит.

— Не радуйся. Я ещё не все инструменты принёс.

— Хватит, — сказала Агафья. — Пока дверь не решила, что мы тут все без головы.

Она подошла к табличке. Люди сами расступились. Даже Кошей убрал ключ, а Мирон перестал писать. Марфа поднялась и села у Агафьиной ноги.

— Я только сниму эту вывеску, — сказала Агафья. — Нечего ей народ пугать. Если хочет говорить, пусть говорит нормально.

Она взялась за край таблички и потянула. Табличка не оторвалась. Агафья дёрнула сильнее.

— Ну? Не выросла же ты.

Дверь тихо щёлкнула. Ручка сама повернулась вниз. Дверь приоткрылась на палец.

Толпа затихла так быстро, что стало слышно, как Бурчик неровно работает на малом ходу. Филимон закрыл рот, и это само по себе было событием.

Архип стоял сбоку и видел только узкую щель. За ней лежала белая дорога. Она уходила вдаль и расходилась на несколько путей. По краям стояли разные Заворотино. Одно выглядело обычным: заборы, огороды, дым из труб. Другое сияло шатрами и вывесками. Третье пряталось за высоким забором. Дальше виднелись блестящие купола и улица, где вместо старой лавочки стоял чужой аккуратный знак.

Архип успел увидеть свой двор. В одном варианте мастерская стала большой и новой, с ровными воротами. В другом за его забором было пусто, словно он никогда ничего не строил. В третьем он сам стоял у Агафьиной калитки с чайником в руках и всё никак не решался войти.

Потом дверь закрылась.

Агафья отступила на шаг. Лицо у неё было спокойное, но Архип видел, как она крепко сжала край платка. Она увидела больше. Гораздо больше, чем показала щель.

— Что там было? — спросила Алёна.

Мирон держал карандаш над листом, но не писал. Баба-Яга смотрела на дверь без прежней насмешки. Кошечей стоял неподвижно, и даже Громыхало не командовал.

Агафья поправила табличку, хотя та висела крепко.

— Дорога, — сказала она. — И всякие глупости.

— Какие глупости? — спросил Архип.

Она посмотрела на него. Недолго, но ему хватило. В её взгляде было и «не при всех», и «ты сам видел», и ещё что-то, от чего у него заныло под рёбрами.

— Такие, Чудин, что ломом не починишь.

Дверь снова стала простой старой доской посреди поля. Бант на ручке висел аккуратно, табличка молчала, куры постепенно вспоминали, что жизнь без зерна не имеет смысла. Архип поднял лом с земли и впервые за много лет почувствовал, что держит в руках не инструмент, а лишнюю железку.

За дверью была дорога, и на той дороге Заворотино могло стать разным. В одном варианте Агафья жила спокойно. Без порталов и толпы. Без его привычки бежать с инструментами туда, где она и сама едва держалась.

Глава 3. Белая дорога

Вечером Заворотино долго не ложилось спать. Люди расходились по домам, но голоса ещё тянулись над улицей к двери.

Агафья закрыла курятник, проверила сарай и три раза прошла мимо сеней, где третья половица скрипела как нарочно. Днём такой же скрип донёсся из-за двери. Посреди поля. Из пустоты. И теперь родной дом казался не совсем надёжным.

Она поставила чайник, но пить чай не стала. Достала чашку, подвинула сахарницу, потом всё убрала. Марфа-Полночица сидела на лавке и следила за ней. Взгляд у кошки был терпеливый, почти хоризженный.

— Не смотри так, — сказала Агафья. — Я не собираюсь туда идти.

Марфа моргнула, спрыгнула на пол, подошла к сеням и села у двери.

— Вот именно. Ночью к дверям без стен ходят дурные головы и Архип Чудин с ломом. У меня, между прочим, голова хозяйственная.

На улице затих последний мотор. Это Архип, наверное, загонял Бурчика в сарай и ворчал, чтобы не было слышно, как ему тревожно. После дневной попытки с ломом он несколько раз оглядывался на Пятачок и на Агафью. Она сделала вид, что не заметила.

Агафья взяла старый фонарь, накинула платок и сняла с крючка скалку. Потом посмотрела на неё и вернула обратно. К этой двери со скалкой идти не хотелось. Дверь и так знала лишнее.

— Я только посмотрю, — сказала она Марфе. — Если что, ты дома. Дом без присмотра не оставляют.

Марфа мякнула и первой прошмыгнула в открытую щель.

— Предательница.

Ночь стояла тёплая, но уже с сыростью в траве. У Прасковьи шевельнулась занавеска. Агафья строго посмотрела в ту сторону. Занавеска сразу стала неподвижной, как человек, которого поймали за честным ничегонеделанием.

На Пятачке было тихо. Дверь стояла на прежнем месте. Бант из ведомственной ленты висел на ручке и при луне выглядел глупо, будто дверь собралась на праздник и забыла стены. Табличка светлела в темноте, но не сияла. Буквы читались сами собой.

«Вход туда, где решают, какие истории имеют право продолжаться».

— И кто у вас там решает? — спросила Агафья. — Председатель есть? Или опять всё на хозяйку свалили?

Дверь не ответила. Марфа села у нижней щели.

Агафья подошла ближе. Ручка была тёплой. Она знала это заранее, но всё равно вздрогнула. Тепло напоминало сени, где недавно топили печь. Если бы от двери веяло холодом, проще было бы злиться. А тут она будто пришла не пугать, а звать домой.

— Ну? — сказала Агафья. — Днём перед всеми щёлкала. Теперь чего молчишь?

Ручка сама повернулась вниз. Дверь открылась внутрь, хотя за ней не было никакого «внутри». Агафья ожидала увидеть свой дом, раз уж слышала половицы. Но за порогом лежала белая дорога.

Она расходилась на несколько троп, и каждая вела к своему Заворотино. Белизна под ногами не слепила и не тянула. Просто звала пройти: раз уж постелили, надо понять зачем.

Агафья шагнула через порог. Марфа пошла рядом.

Дверь за спиной осталась открытой, но поле, ночь и Пятачок отодвинулись. Впереди стояли деревни. Каждая называлась Заворотино, но каждая была чужой.

Ближе всех лежала простая улица. Ни порталов, ни табличек, ни ведомственных лент. Обычные дома, заборы, огороды, колодец, клуб с облупленной стеной. У её двора росла смородина, куры копались в пыли, на верёвке висело бельё. Из трубы шёл дым. Всё как надо.

С той улицы пахнуло тишиной.

— Иди сюда, Агаша, — сказал знакомый голос.

У калитки стояла Агафья. Такая же, но словно не таскала на себе чужие беды через порталы. Платок сидел аккуратно, глаза спокойные.

— Тут никто не придёт без спроса, — сказала другая Агафья. — Куры несутся, огород родит, чай не остывает из-за чужой беды. Дом твой. Жизнь твоя.

— Слишком складно говоришь, — нахмурилась Агафья. — Значит, подвох.

— Подвоха нет. Просто Заворотино без чудес.

На соседнем дворе появился Архип. Обычный. Не хранитель, не мастер невозможного, не человек, который чинит миры. Он нёс доску, остановился у своей калитки, посмотрел на дом Агафьи и пошёл обратно. Не зашёл. Даже не окликнул.

Агафью будто кольнуло.

— А он что?

— А что он? Живёт рядом. Иногда чинит. Иногда собирается зайти. Потом вспоминает, что повода нет.

— Повод можно найти.

— Можно. Только в тихой жизни люди часто ждут удобного случая. А он не обязан приходить.

Улица гладила её покоем. Тут не надо было решать, кого впускать. Не надо было объяснять домовым, почему тапочки не государственное имущество. Можно было посадить картошку, сварить суп и утром проснуться от обычного петуха. Обычного, а не Громыхало, который требует пайку за караул.

Агафья пошла дальше. Оставаться возле этой версии было опасно. Эта версия опасно обещала не счастье, а отдых.

Следующее Заворотино сияло ярмарочными огнями. На Пятачке стояли шатры и расписные ворота. Избушки продавали билеты, лешие водили экскурсии. Над клубом висела надпись: «Сказочный курорт Заворотино. Чудеса каждый час».

У входа стояла Баба-Яга в нарядном платке и с кассой на ремне.

— Агафья Ладина! — радостно сказала она. — Наконец-то из вашей самодеятельности сделали нормальное предприятие. Люди едут, сказки работают, нечисть трудоустроена.

— Кто это вытоптал мои грядки?

Баба-Яга на миг сбилась.

— Там теперь интерактивная зона деревенского быта.

— Интерактивная тяпка тебе по интерактивному месту.

— Не кипятись. У тебя даже дом-музей есть. Скалка под стеклом, чайник под охраной.

— Живые-то где?

Баба-Яга махнула рукой за шатры. Там шли нарядные гости, смеялись, покупали пирожки и гладили безопасного дракона. Веселья было много, даже через край. Даже Прасковья стояла у ларька «Слухи дня» и продавала новости по три за рубль.

— А если кому плохо? — спросила Агафья.

— Для этого есть представление в четыре. Там всем становится хорошо по расписанию. Агафья развернулась. Марфа презрительно фыркнула на ларёк, где продавали «настоящий заворотинский воздух» в банках.

— Воздух мой продавать вздумали. Ещё бы туман в рассрочку оформили.

Белая дорога повела дальше.

Там стояло Заворотино за высоким забором. На воротах висела табличка: «Охраняемая межмировая зона. Вход по разрешению». У калитки сидел человек в форме и проверял пропуск. Пятачок был выровнен, дверь стояла под навесом и выглядела как вещь, которую все боятся тронуть.

Из караулки вышел Мирон. Вернее, похожий на Мирона человек. Спина прямая, папка прижата к груди, лицо спокойное до неудобства.

— Агафья Ладина, в этом варианте Заворотино полностью защищено. Никаких самовольных проходов. Ваш дом сохранён. Ваше участие требуется только по расписанию.

— По какому ещё расписанию?

— Приём чудес вторник и четверг. Согласованные просьбы через окно номер два.

— А если беда пришла в среду?

— Беда должна ожидать.

Агафья посмотрела за забор. Деревня была цела. Аккуратная, чистая, безопасная. Но у лавочки не сидели старухи, у клуба не спорил Филимон, у сарая не фыркал Бурчик. Громыхало молчал в вольере с табличкой: «Говорящий экземпляр».

— Это не деревня, — сказала Агафья. — Это банка с огурцами. Только огурцы ещё и пропуск требуют.

Мирон в форме чуть дрогнул лицом, но сразу выпрямился.

— Зато никто не пострадает.

— Жить тоже никто не будет.

Она пошла дальше. Дорога под ногами не спорила. Она просто показывала.

Следующее Заворотино было гладким и блестящим. Дома стояли новые, дорожки светились мягким светом. Над Пятачком поднимался прозрачный купол. У ворот её дома стояла Алёна, взрослее и строже.

— Бабушка, здесь всё удобно. Гости записываются сами. Детская калитка безопасна. Бурчик получил зарядную станцию.

— А куры?

— Куры тоже под контролем.

Со стороны нового клуба донёсся голос Громыхала:

— Уважаемые жители! Самовольное кукареканье разрешено с шести до семи!

— Вот с этого места мне уже не нравится, — сказала Агафья. — Громыхало сам себе свободу по минутам выдал.

Этот вариант был не злой. В нём было тепло, свет, удобство. Но в нём всё заранее знало своё место.

Дальше дорога открыла космическое Заворотино. Над деревней висели тихие корабли, у клуба стоял межпланетный автобус. Водитель в фуражке радостно махал ей рукой.

— Земная хозяйка! Добро пожаловать в узел сельской душевности!

— Узел у тебя на шнурке. А это деревня.

У Агафьиного дома толпились посетители с маленькими кружками. Они ждали её чая, признанного межвидовым утешением, и отдельного сеанса домашнего тепла.

Марфа громко чихнула. Чай здесь был услугой. Пироги — программой.

— Нет, — сказала Агафья. — Я не самовар на ножках.

Дорога уже уводила её к последней большой версии.

Там стояла столица миров. Заворотино выросло вширь и вверх. На месте старых улиц были площади и переходы. Над Пятачком поднималась башня с дверями. На главной площади стоял памятник: Агафья со скалкой в одной руке и чайником в другой.

Агафья остановилась так резко, что Марфа едва не врезалась ей в ногу.

— Это ещё что за позор?

Из толпы вышел Филимон в нарядной жилетке. Вид у него был важный и несчастный.

- Агаша, не обижайся. Скульптор хотел передать величие.
- Он передал, что у меня рука как у мельницы.
- Зато смотри, какое значение. Заворотино — центр миров. Все знают твоё имя.
- А мой огород где?
- На его месте площадь Благодарности.
- А курятник?
- Малая сцена народной памяти.
- А Архип?

Филимон отвёл глаза.

- Он в инженерной палате. Главный мастер переходов. Всем нужен.

На высокой площадке у башни появился Архип. В чистой рубаше, с чертежами под мышкой. Значительный. Полезный. Далёкий.

Он увидел Агафью. Лицо у него просветлело, но к ней он не пошёл. Рядом подбежали помощники, сунули бумаги, увели к башне. Архип оглянулся один раз. Как сосед из тихой версии, который снова не нашёл времени.

Площадь шумела. Двери открывались, гости приходили. Среди всего этого не было места, где можно просто поставить чайник без объявления.

Агафья повернулась обратно к белой дороге. Хватит. Она уже посмотрела на покой, веселье, безопасность, удобство, славу. Все варианты были по-своему разумные. В каждом была польза. И в каждом от Заворотино отрезали что-то живое, а потом красиво объясняли, почему так лучше.

Белая дорога не отпустила сразу. Перед ней снова появилась тихая улица. Самая опасная из всех. Там просто вечерело. У её дома горел свет. На крыльце стояла чашка. Смородина шелестела за забором.

Архип вышел из своего двора с банкой варенья. Подошёл к Агафьиной калитке, постоял, вздохнул. Наверное, хотел принести. Или сказать, что крышка плохо закручена. Или придумал повод про полку.

Он поднял руку к щеколде и опустил. Потом поставил банку на лавку у забора и пошёл обратно.

Агафья не выдержала.

- Да зайди ты уже, старый дурень.

Архип не слышал. Это была не её улица. Вернее, могла стать её, если она выберет тишину. Там он так и будет ходить рядом, оставлять банки на лавке, чинить соседский забор и ждать удобного случая до самой старости. А она будет злиться на него через забор, потому что тоже не скажет первой.

Из дома вышла другая Агафья. Увидела банку, взяла её, долго смотрела на Архипову калитку. Потом улыбнулась не радостно, а устало. Как человек, которому тепло, но мало.

- Вот тебе и покой, — сказала настоящая Агафья.

Другая повернулась к ней.

- Зато без тревог.

- Без тревог — не значит без пустоты.

- Зато никто не просит выбрать за всех.

- А если не выбрать, за меня выберут другие.

Тихая улица помолчала. Обычный петух клюнул в пыль. Никто не скомандовал, не возмутился, не потребовал пайку. От этой тишины стало совсем тоскливо.

Белая дорога дрогнула. Все версии отступили. Перед Агафьей открылось последнее место.

Там не было Заворотино.

Ни домов, ни клуба, ни лавочки, ни огородов. Только пустая земля, ровная и светлая, как стол после уборки. На месте Пятачка не чернел круг. Не было колея Бурчика и тропинки к её дому. Мир будто вытер деревню тряпкой и забыл поставить обратно.

А посреди пустого места стоял её чайник.

Старый, с потемневшей ручкой, с маленькой вмятиной сбоку. Тот самый, который Архип когда-то чинил и уверял, что теперь он прослужит дольше обоих. Чайник стоял прямо на земле. Из носика шёл пар.

Агафья подошла.

— Это что? — спросила она. — Последний вариант?

Ответа не было. Только чайник тихо шумел.

Она наклонилась и увидела в блестящем боку отражение. Дом. Крыльцо. Архип у калитки. Алёна с Мироном возле клуба. Филимон на лавочке. Прасковья у забора. Бурчик у сарая. Громыхало на ведре. Баба-Яга с договором, Кощей с кружкой в цветочек, дети у игровой калитки. Всё мелькнуло и погасло.

Агафья выпрямилась. Теперь она поняла, почему дверь показывала не сказки, а варианты. Её не пугали. Её соблазняли. Покоем, порядком, славой, пользой. Каждая дорога будто спрашивала: чем ты готова заплатить, чтобы стало проще?

— Ничего себе, — сказала она. — Пришли к бабе ночью и торгуются деревней.

Чайник свистнул. Не громко, но сердито. Совсем как у неё дома.

Дверь снова открылась сама. За ней виднелся Чёртов Пятачок, ночная трава и луна над крышами. Агафья подняла чайник. Он оказался тяжёлым и настоящим. Горячим, но не обжигал.

— Пойдём, Марфа. А то без нас они утром опять начнут ломом думать.

Кошка первой переступила порог. Агафья вышла следом. Дверь закрылась мягко, без хлопка. На Пятачке было темно и тихо. В деревне спали дома, заборы и чужие вопросы.

В руках у Агафьи остался чайник из пустого Заворотино. Из носика поднимался пар. На боку, там, где раньше была вмятина, проступила короткая надпись: «Выбор начался».

Агафья прижала чайник к груди через край кофты и пошла домой. До утра надо было придумать, как объяснить людям, что дверь не просто открывается. Она уже считает, кто и зачем хочет назвать Заворотино своим.

Глава 4. Печати на огороде

Мирон Перьев не спал с четырёх утра. Он сидел за столом в маленькой комнате при сельском клубе и смотрел на лист, который сам появился поверх его протокола.

Чайник на плитке закипал уже третий раз без огня.

На листе крупно проступало:

«Населённый пункт Заворотино признан точкой повышенного сюжетного давления».

Мирон перечитал фразу и потёр переносицу. В ведомстве иногда умели писать смешно, но смех обычно заканчивался комиссией.

Ниже шла вторая строка:

«До выяснения природы Последней двери разрешается временное ограничение проходов, объектов и связанных с ними историй».

Вот это уже было опасно. Портал можно закрыть. Предмет можно изъять. Существо можно выдать предписание. Но когда в документ попадали истории, обычная проверка быстро превращалась в решение чужой судьбы.

Дверь на Пятачке открылась только перед Агафьей. Ночью она, по всем признакам, ходила туда одна и вернулась с чайником, на боку которого проступила надпись: «Выбор начался». Алёна успела рассказать об этом коротко и зло, потому что бабушка запретила «разносить по деревне ночную ерунду».

Дверь комнаты скрипнула. На пороге появилась Алёна, сонная, в накинутой кофте, с кружкой в руках.

— Ты опять не спал?

— Получил уведомление.

— Это у тебя теперь так называется бессонница?

Мирон протянул ей лист. Алёна прочитала, нахмурилась и ткнула пальцем в середину.

— Что значит «ограничение историй»?

— Формулировка ведомства.

— Я спросила не про красоту фразы.

Он забрал лист и аккуратно положил на стол. От Алёны прятать правду было бесполезно. Она видела, где за словами уже стоит беда.

— Могут временно закрыть Пятачок. Запретить проходы. Ограничить действия местных хранителей.

— Бабушку и Архипа?

— Формально — ответственных лиц.

— Не называй бабушку ответственным лицом с утра. Она ещё завтрак не испортила никому, кроме чайника.

— Алёна, ситуация серьёзная.

— Я вижу. Потому и спрашиваю по-человечески: ты на чьей стороне?

Мирон посмотрел на лист. Хотел ответить, что у службы нет сторон, есть порядок. Но после всех лет в Заворотино такая фраза звучала бы трусливо.

— Я на стороне того, чтобы деревню не сломали.

Алёна помолчала.

— Это уже лучше. Теперь осталось объяснить это твоему начальству.

На листе проступила новая строка:

«Уполномоченный Печатьев прибудет для первичного осмотра».

Мирон невольно выпрямился.

— Плохо?

— Он не злой, — сказал Мирон. — Он хуже. Он правильный.

За окном хлопнул воздух. Стёкла дрогнули. Во дворе клуба возмущённо закричали куры, а Громыхало заорал так, будто у него пытались изъять рассвет.

— Кажется, правильный уже приехал, — сказала Алёна.

Служебный переход открылся прямо у клуба. Из светлого прямоугольника вышел высокий мужчина в сером плаще. В одной руке он держал кожаный чемодан, под мышкой нес папку. Следом выкатилась маленькая тележка с печатями и постучала колёсами по крыльцу с важностью отдельного чиновника.

Печатьев оглядел улицу. Его лицо не изменилось ни при виде Бурчика, ни при виде Громыхала, ни при виде Марфы-Полночницы посреди дороги.

— Перьев, краткий доклад.

Мирон открыл папку.

— Последняя дверь обнаружена на Чёртовом Пятачке. Механическое, магическое и ведомственное воздействие результата не дали. Открылась только при контакте с Агафьей Ладиной. За дверью наблюдалась белая дорога с возможными версиями Заворотино.

— Ладина где?

— У себя.

— Пойдёмте.

Алёна вышла следом.

— А поздороваться с деревней сначала не надо?

Печатьев посмотрел на неё.

— Вы Алёна Ладина?

— Да.

— Гражданский консультант по человеческому фактору?

— Это Мирон так меня обозвал, когда хотел сделать вид, что я не просто мешаю.

— В материалах указано: консультант.

— А в жизни указано: внучка. Это важнее.

Печатьев не стал спорить. Мирон знал таких служащих: они просто открывали папку, и всё вокруг начинало подстраиваться под графы.

У дома Агафьи уже собрались соседи. Прасковья держала хлеб под мышкой, хотя хлеб явно был куплен для прикрытия. Филимон стоял у калитки и разглядывал чемодан Печатьева.

— Смотри, Прасковья, человек с печатями. Или проверять приехал, или жениться. Оба дела без веселья.

— Молчал бы, пока на тебя печать не поставили, — сказала Прасковья.

Громыхало расправил крылья.

— Посторонний чин прибыл! Требую досмотра зерновых запасов!

Печатьев записал что-то в блокнот.

— Говорящий фамильяр домашнего типа. Регистрационного жетона не вижу.

— А я у вас разрешения на утреннее дыхание не вижу, — сказала Агафья с крыльца.

Она вышла с тем самым чайником. Старый, с потемневшей ручкой, он выглядел обычным, если не смотреть на надпись: «Выбор начался». Печатьев сразу заметил её.

— Доброе утро, — сказал Печатьев. — Межмировое ведомство. Первичный осмотр.

— Доброе, если не портить. Осмотр чего?

— Чёртового Пятачка, Последней двери, прилегающих участков и предметов, связанных с явлением.

— Мой чайник в список не записывайте. Он воду кипятит, а не явления.

— Он перемещён из возможной версии деревни.

— Он перемещён мной. Потому что там больше никого не было, кроме него. И вообще, чужие чайники с утра не описывают.

Печатьев открыл чемодан и достал круглую печать на длинной ручке. Мирон напрягся. Ведомственные печати были не краской. Они фиксировали предмет в текущем состоянии. В нормальном месте это помогало. В Заворотино любая фиксация могла обернуться спором с реальностью.

— Предмет подлежит временной фиксации, — сказал Печатьев.

Агафья прижала чайник к боку.

— Ещё чего. Я его из пустого Заворотино принесла, а вы сразу лапы тянете.

— Фиксация не изъятие.

— Так говорят перед тем, как чужую кастрюлю в бумагу вписать.

Алёна тихо толкнула Мирона локтем.

— Скажи ему.

Мирон сделал шаг вперёд.

— Уполномоченный Печатьев, разумнее начать с Пятачка. Чайник реагирует на Агафью Ладину. Преждевременная фиксация может исказить связь.

Печатьев посмотрел на него долгим служебным взглядом.

— Принято. Осмотр начнём с территории.

Агафья хмыкнула.

— Вот. Если человека кормить нормальными пирогами, он иногда умнеет.

Мирон хотел сказать, что пироги тут ни при чём, но Алёна улыбнулась, и возражение потеряло срочность.

К Пятачку пошли всей деревней. Агафья несла чайник, будто это была обычная хозяйская вещь, которую нельзя оставлять без присмотра. Прасковья шла с хлебом, Филимон уже собирал материал для вечернего рассказа. Громыхало командовал с заборов. Бурчик держался подальше от двери.

Дверь стояла на прежнем месте. На ручке всё ещё висел бант из ведомственной ленты. Печатьев остановился перед ним.

— Чья лента?

Мирон кашлянул.

— Моя.

— Почему она в виде банта?

— Самостоятельная реакция двери.

Филимон наклонился к Прасковье:

— Перевозу: хотел огородить, а она нарядилась.

Печатьев подошёл к табличке, не касаясь дерева.

— Формулировка активна.

— Она ещё и разговаривает, — сказала Агафья. — Вчера Мирону написала «слышали». Вежливее многих, между прочим.

Печатьев вынул печать с короткой ручкой и приложил её к земле у двери. На траве появился круглый светлый знак. Он продержался несколько секунд, потом аккуратно съехал на кочку.

Печатьев поставил знак снова. Печать вернулась на место, подумала и переползла к старой ветке.

— Земля сопротивляется фиксации, — сказал он.

— Земля не сопротивляется, — сказала Агафья. — Она выбирает, где ей ваш кружок терпеть.

Печатьев стал ставить метки дальше. Одна оказалась на камне. Другая перебралась на ведомственный бант. Третья исчезла и через минуту проступила на ведре у Агафьиного забора.

— Это уже не Пятачок, — заметила Алёна.

— Связанный предмет.

— Ведро связано с Последней дверью?

— В Заворотино всё может быть связано.

— Хорошая фраза, — оживилась Прасковья. — Надо вывесить у магазина. Народ будет понимать, куда попал.

Агафья сняла ведро с колышка. Печать на боку мигнула, съехала вниз и рассыпалась светлой пылью.

— Вот видите, — сказала она. — Даже метка понимает, что ведро хозяйское.

Печатьев пошёл вдоль огорода. Агафья заметила это поздно.

— Эй, туда не надо.

— Необходимо определить границу воздействия.

— Там кабачки.

— Осмотр не повредит.

Печать коснулась колышка у грядки. Знак мигнул, скользнул по верёвке и сел прямо на крупный кабачок. На зелёном боку вспыхнул официальный круг.

Филимон присвистнул.

— Всё. Кабачок поступил на службу.

Громыхало вытянул шею.

— Овощ задержан без сопротивления!

Агафья вошла в грядку.

— Снимайте.

— Печать временная.

— У меня терпение тоже временное.

Печатьев достал маленький нож для снятия знака. Коснулся кабачка. Печать не снялась. Кабачок чуть повернулся, как обиженный поросёнок.

Филимон засиял.

— Он уворачивается. Хороший овощ, с характером.

Агафья наклонилась к кабачку.

— Не вертись. Я сама нервничаю.

Она взяла его обеими руками. Печать побледнела, сползла на лист, потом на землю и там исчезла.

Печатьев закрыл нож.

— Значимый факт. При контакте Агафьи Ладиной фиксация ослабевает.

— При контакте с хозяйкой овощи ведут себя прилично, — поправила Агафья. — Записывайте точнее.

Мирон послушно записал, потом остановился. Слово «хозяйка» для протокола было неудобным, но «связанное лицо» звучало так, будто Агафью можно переставить или ограничить. Он оставил «хозяйка» в скобках и не зачеркнул.

Алёна заметила.

— Уже лучше, — тихо сказала она.

Они отошли к забору, пока Печатьев осматривал дверь с безопасного расстояния.

— Ты понимаешь, чем это кончится? — спросила Алёна.

— Расширенной процедурой.

— Мирон.

Он вздохнул.

— Если ведомство решит, что Заворотино обладает собственной волей, деревню могут признать непредсказуемой территорией. Тогда поставят внешнее управление. Проходы ограничат. Хранителей отстранят.

— Бабушку и Архипа отстранят от их же дома?

— Формально — от портала.

— Заворотино не аппарат. Его нельзя выключить, убрать в шкаф и выдать квитанцию.

— Я знаю.

— Знать мало.

Он посмотрел на неё. Алёна сердилась не на него одного, но ему досталась ближайшая часть этой злости.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Для начала не называй деревню объектом.

С таких слов начиналась беда. Или спасение. Объект можно закрыть. Деревню приходится слушать.

Печатьев вернулся к ним. На его чемодане красовалась собственная печать, хотя он явно туда её не ставил.

— Осмотр подтверждает аномальное сопротивление фиксации. Перьев, подготовьте сообщение. Предварительная формулировка: объект Заворотино требует расширенной процедуры.

Алёна сразу сказала:

— Деревня.

Печатьев повернулся.

— Что?

— Не объект. Деревня.

— В документах используется термин «объект наблюдения».

— А вы попробуйте написать «деревня». Бумага выдержит.

Печатьев посмотрел на Мирона.

Старый страх поднялся быстро. Мирон почти услышал внутренний голос: не спорить, не выходить за рамки, не ухудшать служебное положение. Потом он увидел Агафью. Она стояла в рядке и стирала с кабачка остатки светлой пыли подолом фартука. Делала это так серьёзно, будто спасала не овощ, а право дома оставаться домом.

— В текущей ситуации термин «деревня» точнее, — сказал Мирон. — Реакция идёт не от отдельного предмета, а от местных связей. Объектная формулировка искажает результат.

Алёна выдохнула. Печатьев помолчал, потом закрыл папку.

— Принято к сведению. Но полномочий первичного осмотра недостаточно. Решение должен принимать расширенный состав.

— Какой ещё состав? — спросила Агафья.

Печатьев достал из чемодана большую плоскую печать. Он не стал ставить её на землю. Просто поднял над Пятачком. В воздухе раскрылась светлая надпись:

«Межмировые слушания о будущем Заворотино назначаются. К участию приглашаются представители всех заинтересованных миров».

На улице стало тихо. Даже Филимон не сразу нашёл шутку.

Потом Громыхало взлетел на забор.

— Караул усилить! Заинтересованные миры звучат как толпа без очереди!

Филимон ожил.

— Точно. Сейчас понаедут: одни представлять, другие интересоваться, третьи сразу просить обед.

Агафья поставила чайник на перевёрнутое ведро. Надпись «Выбор начался» на его боку потемнела.

— Значит, так, — сказала она. — Если все миры соберутся решать судьбу моей деревни, пусть сначала узнают, где у нас тропинка, где огород и почему куры не любят громких начальников.

— Слушания начнутся завтра, — сказал Печатьев.

Мирон опустил глаза на лист. Перо само вывело первую строку будущего протокола: «Деревня Заворотино ожидает гостей». Он не стал исправлять её. Только добавил ниже своей рукой: «Не считать ожидание согласием на присвоение».

Глава 5. Гости без очереди

Алёна поняла, что межмировые слушания начались не завтра, а сразу после того, как Печатьев поднял свою большую печать над Пятачком. Официально гости должны были прибывать по уведомлениям, через согласованные проходы и с регистрацией у клуба. На деле первый домовый появился в Агафьиных сенях ещё до завтрака.

Он был маленький, в жилетке из старого половика, с серьёзными бровями и узлом тапочек под мышкой. Алёна зашла к бабушке узнать, как та себя чувствует после ночной белой дороги, и едва не наступила на гостя.

— Осторожнее, гражданка городская, — сказал домовый. — Тапочная делегация прибыла.

Агафья стояла у печки с чайником из пустого Заворотино и смотрела на домового так, будто он был не чудом, а непрошеной мышью с документами.

— Через дверь вошёл? — спросила она.

— Через щель под порогом. Уважающий себя домовый дверями ходит только в гости, а не на работу.

— А ты по работе?

Домовой выпрямился и положил узел на лавку.

— По будущему деревни. Если Заворотино признают главным домом между мирами, городские домовые требуют филиал, право на ночные шорохи и отдельный пункт о тапочках.

Алёна взяла со стола карандаш.

— Подождите. Сейчас я заведу список.

— Список чего? — спросила Агафья.

— Гостей. Требований. Подарков. Хоть чего-то. Если этого не сделать, к вечеру у нас в сенях поселится комиссия из-под печки.

Домовой поднял палец.

— Не из-под печки. Из-за печки. Это разные ведомства.

Алёна открыла старую тетрадь, которую Мирон оставил у бабушки после прошлой проверки. На первой странице уже красовалась строгая надпись: «Временный журнал прибывших представителей». Мирон, конечно, успел подготовить форму ещё до того, как понял, что форма не выдержит Заворотино.

— Имя? — спросила Алёна.

— Домовой Семён Подполович. Представляю городские подъезды, дачные чуланы и один спорный балкон.

— Цель визита?

— Не дать вашу деревню закрыть, потому что через неё в дома возвращается тепло. И получить официальный доступ к тапочкам.

— Подарок?

Домовой развязал узел. На лавку высыпалась пара детских тапочек с помпонами, один мужской шлёпанец и старый войлочный тапок с вышитой буквой «З».

Агафья прищурилась.

— Это подарок или улика?

— Вклад в общее дело.

— Ладно, — сказала Алёна и записала коротко: «Домовые. Домашний порядок». Так выглядело приличнее, хотя смысла стало меньше.

В этот момент за окном взревел Бурчик. Алёна выглянула во двор и увидела, как над дорогой к клубу сползает серебристая тень. Межпланетный автобус сядил прямо между ста-

рой яблоней и Филимоновым забором. Водитель, знакомый всем по космической ярмарке, высунулся из окна и махал фуражкой.

— Земная диспетчерская! Запрашиваю место стоянки!

Филимон выскочил из-за забора в одной жилетке.

— Стоянка у нас одна — где Бурчик не сердится.

Бурчик сердился уже заранее. Он выкатился из сарая, остановился напротив автобуса и загудел так, что куры во дворе Агафьи сложились в кучу.

— Не вставай рядом с ним, — сказал Архип, догоняя трактор. — Он транспорт международный.

Бурчик фыркнул выхлопом.

— Да, гладкий, — согласился Архип. — И что? Не всякому же с ржавчиной ходить для красоты.

Автобус аккуратно опустился у клуба. От него пахло холодной пылью и чем-то сладким, будто звёзды варили компот в чужой кастрюле. У колодца вода тихо звякнула, и оттуда донёсся короткий русалочий мотив. Алёна успела только записать «космический автобус», как из-за клуба раздался новый хлопок.

На Пятачке раскрылись ворота из зелёных веток. Из них вышли трое леших. Главный поклонился Агафье, потом оглядел грядки.

— Лесная сторона приветствует дом Заворотино.

— Дом приветствует, если вы ничего не посадите в картошку, — ответила Агафья.

Леший положил к её ногам берестяной свёрток.

— Дар. Семена защитной лесополосы. Нужно высадить вокруг Пятачка.

— Зачем? — спросила Алёна, поднимая карандаш.

— Чтобы деревню не сдуло чужими решениями.

— Красиво сказано, — заметил Филимон. — Только если лесополосу посадить вокруг Пятачка, как народ будет ходить смотреть на беду?

— Через калитку из корней, — серьёзно сказал леший.

Алёна записала: «Лешие. Лесополоса. Калитка из корней — проверить». Потом поняла, что тетрадь уже выглядит как сон человека с температурой.

Клубная площадь заполнялась. Печатьев стоял возле крыльца и пытался заставить прибывших проходить по одному. Мирон рядом держал папку и делал вид, что это возможно. Уполномоченный поставил стол, положил на него чистые листы и сказал:

— Регистрация по очереди.

В ответ из-под стола вылез второй домовый и вежливо поставил на лист свою печать в виде пыльного следа.

— Домовые уже прибыли, — сказал он. — Очередь занята с ночи.

Печатьев посмотрел на след. Потом на Мирона.

— Это нарушение процедуры.

— В Заворотино процедура часто приходит позже события, — сказал Мирон.

Алёна услышала это и чуть не улыбнулась. Мирон говорил всё ещё по-служебному, но в его голосе уже появилась заворотинская усталость.

На другой стороне площади открылась сказочная арка. Оттуда вышла Баба-Яга, хотя её избушка ещё со вчерашнего дня стояла за кустами. Значит, Яга решила прибыть официально, чтобы никто не сказал, будто она уже тут и не считается.

За ней шли две спасённые сказки. Одна выглядела как девушка в дорожном плаще, у которой подол был исписан мелкими буквами. Другая несла на плече маленький деревянный мостик и жаловалась, что без моста её сюжет ходит кругами.

— Баба-Яга, вы уже были, — сказала Алёна.

— Это я частным образом была, — ответила Яга. — А сейчас я делегация сказочного консультационного направления. Предлагаю услуги по выбору будущего. Платно, но с душой.

Агафья поставила руки в бока.

— Ты ещё вывеску повесь: «Как выбрать судьбу и не подавиться».

— Хорошая мысль. Беру без оплаты за вдохновение.

— Даже не думай.

Баба-Яга протянула Алёне сложенный договор. Алёна раскрыла, увидела три страницы мелкого сказочного текста и сразу отдала Мирону.

— Это тебе. Ты любишь страдать с бумагами.

Мирон просмотрел первую строку и побледнел.

— Здесь пункт о праве взимать плату за совет, данный во сне.

— Удобно же, — сказала Яга. — Человек проснулся, а уже должен.

Печатьев подошёл ближе.

— Коммерческая деятельность до окончания слушаний запрещена.

— Я не коммерсантка, я традиция, — обиделась Баба-Яга.

— Традиция тоже регистрируется, если оказывает услуги.

Филимон оживился.

— Вот это разговор! Наконец-то ведомство нашло, к чему придраться у Бабы-Яги.

Громыхало тем временем взлетел на крышу крыльца клуба и начал распределять прибывших.

— Домовые — к лавке! Лешие — не прорасть без команды! Космос — не давить яблоню! Сказки — держать концовки при себе!

— А петух у вас должностное лицо? — спросил водитель автобуса.

— Нет, — сказала Алёна. — Он сам так решил.

— Значит, должность устойчивая, — уважительно сказал водитель.

От автобуса вышли космические гости. Они держали коробку с неизвестными семенами, банку с сияющей пылью и схему парковочной площадки. Водитель положил схему на стол перед Печатьевым.

— Делегация малых межпланетных маршрутов выражает благодарность Заворотино за приём Земли в космическое сообщество. Просим выделить постоянную площадку для посадки и зарядки.

Бурчик с другого конца площади гуднул так, что схема подпрыгнула.

— Он против, — перевёл Архип. — Говорит, нечего всяким гладким на его родной грязи ставить опоры.

— Это антигравитационные опоры, — вежливо сказал водитель.

— Бурчику всё равно. У него мировоззрение тракторное.

Алёна записала: «Космос. Парковка. Конфликт с Бурчиком». Рядом домовой Подполович уже дописывал своим огрызком карандаша: «Парковка не должна перекрывать доступ к тапочкам».

Она отняла у него тетрадь.

— Это журнал, а не забор для объявлений.

— Домовые привыкли вносить правки незаметно.

— Вот и не привыкайте.

К полудню Заворотино стало похоже на место, куда по ошибке отправили всех приглашённых сразу. У колодца пахло речной тиной и русалочьим мылом. Возле клуба воздух холодил кожу звёздной пылью. В сарае Архипа появились шесть пар тапочек без хозяев; Бурчик пытался вытолкать их колесом, но тапочки возвращались в ряд. У старой лавочки лешие разложили мох, и Филимон тут же объявил это мягким местом для пенсионных переговоров.

Алёна бегала между столом регистрации, бабушкиным двором и клубом. Её список распухал. Мирон пытался писать официальный протокол, но домовые заменяли слово «представитель» на «сосед», а лешие исправляли «территория» на «живая окраина». Печатьев каждый раз возвращал формулировки обратно. Через десять минут бумага сама покрылась пятнами чернил, будто устала быть полем боя.

— Надо сделать порядок прибытия, — сказала Алёна Мирону.

— Я делаю.

— Нет. Ты пишешь порядок. Это разные вещи.

Мирон поднял глаза. Усталость у него уже стала человеческой, без служебной полировки.

— У тебя есть предложение?

— Есть. Поставить Прасковью на входе.

— Это усилит хаос.

— Зато она узнает всех за три минуты и сама распределит, кому где стоять, чтобы ей было удобно слушать.

Прасковья, услышав своё имя, сразу появилась рядом.

— Я могу. Домовых к лавочке, леших к тени, космос к клубу, сказки подальше от Филимона. Он им финалы перепутает.

— Я человек творческий, — сказал Филимон. — Мне нельзя возле финалов без примотра.

Алёна вручила Прасковье второй карандаш.

— Только без личных комментариев.

Прасковья посмотрела на неё с жалостью.

— Девочка, тогда это будет не организация, а наказание.

И всё же стало легче. Прасковья быстро рассадила домовых, чтобы они не тащили чужие тапочки. Лешим выдала участок у старой берёзы и запретила пускать корни в дорогу. Космическим гостям показала место у клуба, где Бурчик мог смотреть на них с обидой, но не бодаться. Баба-Яга попыталась поставить стол консультаций, но Агафья вручила ей ведро картошки.

— Пока чистишь, консультируй себя.

— Это эксплуатация сказочного труда.

— Это участие в деревенской жизни.

— А скидка будет?

— Будет. Не выгоню сразу.

Алёна остановилась у крыльца и впервые за утро выдохнула. Бабушка ходила с чайником и следила, чтобы никто не лез в огород. Архип оттаскивал Бурчика от автобуса. Мирон спорил с Печатьевым о слове «деревня». Филимон уже брал с лешего обещание не превращать его скамейку в пенёк.

Всё было смешно. И всё было не смешно.

Каждый прибывший начинал с благодарности. Домовые говорили, что Заворотино вернуло тепло в пустые квартиры. Лешие помнили, как здесь им не дали стать музейным лесом. Космические гости благодарили за земную душевность. Сказки признавали, что без Агафьи они так и остались бы потерянными. Но уже через несколько фраз благодарность переходила в просьбы, схемы, права и будущие выгоды.

Алёна увидела это ясно, будто ей дали не список, а зеркало. Заворотино снова хотели назвать полезным. Домом, но с филиалом. Чудом, но с парковкой. Деревней, но с платными консультациями. Все любили Заворотино, пока оно могло им пригодиться.

Она пошла к Агафье. Бабушка стояла у калитки, держала чайник и смотрела на Пятачок.

— Бабушка, ты как?

— Как хозяйка, к которой гости пришли раньше приглашения. Руки заняты, а спрашивать поздно.

— Они все говорят, что благодарны.

— Благодарность хорошая вещь. Если после неё человек чашку сам помое.

— А если после неё требует место для парковки?

Агафья усмехнулась.

— Значит, чашку ему надо дать побольше. Пусть несёт осторожнее и думает.

Алёна хотела улыбнуться, но не вышло.

— Они будут решать за нас.

— Попробуют.

— Ты устала.

Агафья посмотрела на неё строго, но без колючести.

— Устала. Я не печка, чтобы весь день тепло давать без дров.

— Тогда дай мне.

— Что дать?

— Сказать им. Не по-мироновски и не по-печатьевски. По-человечески.

Агафья помолчала. Потом протянула ей тетрадь.

— Держи. Только не кричи. Когда человек кричит, его слушают меньше, чем курицу перед дождём.

Алёна взяла тетрадь и поднялась на крыльцо клуба. Перед крыльцом смешались все: соседи, ведомство и гости из разных миров. Филимон уже выглядел так, будто не выдержит без реплики.

Громыхало расправил крылья.

— Внимание! Гражданка внучка будет говорить!

— Спасибо, генерал. Очень официально.

— Служу беспорядку!

По толпе прошёл смех. Алёна открыла тетрадь, но читать не стала.

— Я сегодня пыталась составить список. Кто приехал, откуда, зачем. Получилось плохо.

Почти каждый пишет сначала «спасибо», а потом просит кусочек Заворотино. Домовым нужен филиал. Космосу — стоянка. Сказкам — консультации. Лешим — лесополоса. Я понимаю, почему вы просите. Вам здесь помогали. Вы хотите, чтобы это продолжалось.

Домовой Подполович смущённо поправил жилетку. Водитель автобуса опустил схему парковки. Баба-Яга перестала чистить картошку.

— Только Заворотино не склад помощи, — продолжила Алёна. — И не станция. И не курорт. Здесь живут люди. Здесь ругаются из-за кабачков, чинят калитки, кормят кур, ставят чайник, когда гостю плохо. Если вы приехали решать будущее деревни, начните с того, что это не ваша вещь.

Печатьев хотел что-то сказать, но Мирон тихо положил ладонь на его папку. Не удержал, не приказал. Просто попросил паузу. Печатьев паузу дал.

Филимон почесал затылок.

— Хорошо сказала. Даже мне нечего добавить, а это редкая потеря для культуры.

Алёна выдохнула. Ей показалось, что толпа услышала. Не вся, не сразу, но часть гостей опустила подарки ниже, будто впервые поняла, что с дарами тоже можно давить.

И тут Последняя дверь пошевелилась.

Не открылась. Просто вся деревянная створка медленно повернулась вокруг невидимой оси. Бант на ручке качнулся. Табличка смотрела теперь не на поле, а прямо на площадь перед клубом, где стояли прибывшие миры.

Толпа замолчала.

Дверь остановилась и будто стала слушать. Алёна почувствовала, как тетрадь в руках стала тёплой. На чистой странице проступила фраза: «Кто первым назовёт деревню своей?»

Она подняла глаза. Улыбки вокруг исчезли. Слушания ещё не начались, а Последняя дверь уже ждала ответа.

Глава 6. Картошка государственного значения

Утром Агафья решила сажать картошку.

Не потому, что время было удобное. Удобного времени в Заворотино давно не осталось. В Заворотино любой день мог начаться с петуха-караульного, закончиться космическим автобусом, а между ними непременно приходил чиновник с папкой.

Но картошку всё равно надо было сажать.

Агафья вышла во двор с ведром клубней, тяпкой и таким лицом, что куры сразу уступили дорогу. Громыхало стоял на заборе и следил за дорогой к клубу. Там уже толпились гости. Домовые спорили у лавки о тапочках. Лешие мерили шагами место для своей лесополосы. Космический водитель раскладывал на капоте автобуса схему посадочной площадки. Баба-Яга сидела на перевернутом ящике и чистила картошку с видом оскорблённой аристократии.

Возле клуба Печатьев с Мироном ставили столы для завтрашних слушаний. Алёна ходила между делегациями с тетрадью и карандашом. Она уже не пыталась записывать всё подряд. Просто ловила главное и иногда поднимала глаза к небу, будто спрашивала, нельзя ли сегодня поменьше миров.

Агафья поставила ведро у грядки.

— Личный состав готов к аграрной операции, — объявил Громыхало.

— Личный состав пусть клюв закроет и за курятником смотрит, — сказала Агафья. — Операция у меня без петушиного штаба.

— Без штаба любое дело превращается в кормовую панику!

— У меня сорок лет всё превращается в урожай. Иди командуй червяками.

Громыхало обиделся, но полетел к курятнику. Через минуту оттуда донеслось:

— Червяки к построению не явились!

Агафья взялась за тяпку. Земля была мягкая после ночной сырости. Обычная, тёмная, с комочками, корнями и запахом весны. После белой дороги и чайника с надписью эта земля казалась единственной вещью, которую надо было просто рыхлить.

Она сделала первую борозду.

Со стороны клуба сразу донёсся голос:

— Огородные работы в зоне неопределённой реальности!

Агафья даже не обернулась. Голос был Печатьева. Уполномоченный умел произносить любую фразу так, будто она уже стала документом.

— Мирон, — крикнула она через плечо, — переведи ему, что картошка не понимает его языка.

Печатьев подошёл сам. За ним шёл Мирон с папкой и Алёна с тетрадью. Печатьев остановился у межи, будто боялся наступить на неоформленную траву.

— Агафья Ладина, прошу временно прекратить работы.

— Не могу. Картошка без меня не посадится.

— Данный участок находится в пределах возможного влияния Последней двери.

— Так пусть дверь отойдёт. Я тут раньше была.

Алёна прикрыла рот тетрадью. Мирон посмотрел в сторону, но уголок губ у него дрогнул.

Печатьев раскрыл папку.

— Любые действия в зоне неопределённой реальности могут изменить свойства территории.

— Вот и хорошо. Изменим с пустой на картофельную.

— Речь не об урожае.

— А у меня речь о нём. Вы завтра будете будущее деревни слушать, да? А деревня завтра есть захочет. Будущее на пустой желудок плохо обсуждается.

Печатьев замолчал. С таким аргументом ведомство, видимо, ещё не сталкивалось. Мирон тихо сказал:

— Формально сельскохозяйственная деятельность не запрещена, если не доказано её прямое влияние на дверь.

— Перьев.

— Я уточняю рамки полномочий.

Алёна посмотрела на Мирона с такой гордостью, что тот сразу стал серьёзнее и уткнулся в папку.

Агафья поставила тяпку в землю, взяла первый клубень и кинула в борозду.

— Вот. Один уже пошёл в будущее без вашего согласования.

Филимон, который подкрался с другой стороны, оживился:

— Надо бы табличку поставить: «Картошка государственного значения. Руками не трогать, глазами уважать».

— Тебя бы самого табличкой прикрыть, — сказала Прасковья, появляясь рядом. — Чтобы люди знали: говорит без гарантии.

— Прасковья, если на меня поставить печать, она от скуки начнёт шутить.

— На тебя печать не удержится. Соскочит и попросит воды.

Агафья продолжала сажать. Домовой Подполович подошёл с узлом тапочек и серьёзно спросил, можно ли считать картофельную борозду домашней границей. Леший предложил посадить между рядами защитный мох. Космический водитель принёс маленький прибор, понюхал воздух и вежливо спросил, является ли картошка местной формой дипломатии.

— После варки, — ответила Агафья. — Пока это просто труд. Дипломатия начнётся, когда все устанут, сядут за стол и перестанут говорить глупости.

— Значит, варёная картошка снижает конфликтность? — уточнил водитель.

— Если с маслом, то да.

Он сразу что-то записал в свой блокнот. Алёна заглянула через плечо и вздохнула.

— Только не вносите это как межпланетный протокол.

— Поздно, — сказал водитель. — Земной метод мирного клубня принят к сведению.

Баба-Яга услышала и возмутилась:

— А чего это картошка у вас уже дипломатия, а мои консультации запретили?

— Потому что картошка молчит, пока её чистят, — сказала Агафья.

Архип появился с другой стороны огорода, неся второе ведро. Он не спросил, нужна ли помощь. Просто поставил ведро рядом, взял тяпку и начал делать следующую борозду. Рубаха у него была подпоясана верёвкой, рукава закатаны, лицо деловое. Но Агафья видела, как он то и дело поглядывал на дверь.

— Чего косишься? — спросила она.

— Проверяю обстановку.

— Обстановка в земле. Ровнее борозду води.

Он поправил тяпку и прошёл дальше. Борозда вышла почти прямая, но в конце свернула к Пятачку.

— Видишь? — сказала Агафья. — Даже тяпка у тебя туда тянется.

— Не тяпка. Земля.

Она хотела ответить резко, но промолчала. Под ногами и правда что-то менялось. Первая борозда едва заметно светилась. Не ярко, не страшно. Просто в рыхлой земле проходила бледная нитка, словно под неё лёг лунный луч.

Агафья присела и тронула землю пальцами.

— Вот ведь.

Архип подошёл ближе.

— Горит?

— Не горит. Думает.

— Земля?

— А кто у нас ещё остался без мнения?

Они посмотрели вдоль борозды. Светлая линия тянулась не просто по грядке. Она уходила к Пятачку и там разветвлялась. Вторая борозда, которую делал Архип, тоже начала светиться. Её линия вела к клубу. Третья, начатая Агафьей, повернула к её дому.

Мирон опустил на корточки, забыв про служебный вид.

— Похоже на схему дорог.

— Похоже на огород, — сказала Агафья. — Только с дурью.

Алёна подошла и присела рядом.

— Бабушка, это как на белой дороге?

Агафья не сразу ответила. Ночью она видела варианты Заворотино. Теперь земля рисовала не видения, а направления. К дому, к клубу, к Пятачку, к сараю Архипа, к колодцу. Каждая борозда становилась линией. Каждая линия словно спрашивала, куда деревня готова расти.

Печатьев вынул печать.

— Необходимо зафиксировать явление.

Агафья подняла голову.

— Только попробуйте поставить кружок на картошку.

Печатьев остановил руку. Мирон быстро сказал:

— Фиксация может повредить картину. Лучше наблюдать без вмешательства.

— Вы стали часто предлагать не вмешиваться, Перьев.

— Заворотино часто доказывает, что так безопаснее.

Алёна тихо шепнула:

— Хороший ответ.

Мирон сделал вид, что не услышал, но покраснел уши.

Свет в бороздах усилился. Народ вокруг замолчал. Из светлых линий поднялись быстрые образы, как отражения в воде.

У колодца мелькнула русалка, которая когда-то боялась воды и плакала у Агафьи на кухне в полотенце. Она улыbnулась и исчезла. Возле клуба появился Кошей с кружкой в цветочек. Он держал её двумя руками так неловко, будто это была не посуда, а доверие. Один за другим мелькнули те, кому Заворотино помогло: домовый, дракон у теплицы, сказка в дорожном плаще, космический водитель.

Агафья стояла с клубнем в руке и смотрела, как из её огорода выходят чужие спасённые минуты.

— Это записи? — тихо спросила Алёна.

— Нет, — сказал Мирон. — Связи.

Печатьев ничего не говорил. Его папка висела в руке, забывтая.

Образов становилось больше. Дети из Мира Недоигранных Игр тянули к Агафье ладони, потом превращались в цветные пятна. Маремьяна Серповна ставила на стол банку варенья. Леший, вылечившийся от страха перед лесом, гладил молодое деревце. Филимон увидел самого себя, смеющегося уже не ради шума, а ради чужой смелости. Он кашлянул и отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.